

Проданное поколение

Отправной точкой платоновской концепции идеального государства является простое положение. Некто утверждает, что несправедливый человек живет лучше, нежели справедливый, и получает больше практической выгоды.

Собеседник спрашивает, как обстоит дело с государством? Будет ли какой-либо народ, или войско, или даже разбойники успешны в своих делах, если эти люди будут несправедливо относиться друг к другу? Выясняется, что нет, это невозможно. Следовательно, надо учредить справедливые отношения внутри общества, если хочешь добиться успеха.

Но возможно ли создать общество, которое будет следовать справедливости внутри себя — и при этом заниматься разбоем? Такое представить затруднительно. Ergo: надежный способ не быть разбойниками — это руководствоваться справедливостью внутри собственного общества.

Положим, в планы цивилизованного общества никогда не входило намерение воздержаться от разбоя. Но добиться успеха — хотя бы даже и в грабежах — государство, несомненно, хотело.

Успеха больше нет. Конструкция, которой сулили жизнь вечную, рассыпалась за три месяца. И это потому, что внутри государства, которое именovalo себя свободным и прогрессивным, отношения между людьми были несправедливыми. Когда упоминают туманные причины распада: кризис финансовой системы, спад производства, неразумно устроенную экономику — все это говорится, вместо того чтобы назвать главную причину: вранье.

Реклама как идеология

Империя гибнет не от атак готов, не потому, что обесценились динарии, — империя гибнет от вранья. Так Советская империя — непобедимая, пока народ жил единой волей, рассыпалась в прах, когда энтузиазм подменили соглашательством, когда условием карьеры стало вранье. В сказанном не содержится ностальгии по брежневскому времени. Тогда ввали много, однако переживали, будучи пойманы на лжи. Сегодня вранье проходит по ведомству рекламы, его перестали стесняться. В пору советской власти сетовали на двоемыслие: граждане думали одно, говорили другое. Мы превзошли достижения советской власти — теперь мы верим в то, что противоречит нашим знаниям.

Мы знаем, что российский климат суров, однако говорят, что Россия станет Европой, и мы верим, что вдоль Тверской вырастут эвкалипты. Мы знаем, что депутат парламента — бывший уголовник, но его предложения сулят государству прибыль и кредиты, значит, он честный человек. Мы знаем, что светский лев — прохвост и дурак, но он вращается среди людей, распоряжающихся финансовыми потоками, значит, он человек интересный. Мы знаем, что страной управляют офицеры КГБ, но нам сулят благополучие, а значит, КГБ не такой уж плохой институт, как о нем рассказывали. Мы знаем, что художник, рисующий точки и полоски, не особенно интересен, однако художник успешен на рынке — следовательно, он хороший художник. Перечень можно продолжать бесконечно.

Мы все соглашались с этой удивительной логикой, поскольку главным критерием истины являлись деньги, а деньги добываются рекламой. Общей идеологии нет, идеала нет, веры в светском государстве нет — что же и связывало нас всех, как не реклама?

И вдруг выяснилось, что последней опоры бытия — денег — ее нет тоже. Поскольку никто никому не обещал солидарности во имя общей цели, никаких взаимных обязательств нет в помине. Разве имеется у нас хоть какое-то общее дело, за которое мы бы пошли на лишения, плечом к плечу — и даром? У нас даже общего языка — и то нет. Где ремарки и хемингуэи, где олдингтоны и пикассо проданного поколения? Долгие годы обществом двигала реклама — что делать, если нечего рекламировать? Если появится плакат «Ты записался в добровольцы?», то затруднительно будет ответить, на какое дело зовут добровольцев.

За что бороться? Наши отцы шли в бой, чтобы отстоять Родину. И кажется, сегодня сызнова пришла пора,

одно мешает: неясно — за какую именно Родину бороться? За ту ли, что у части общества воплощена в офшорах, или за убитую деревню? За демократию побороться, как двадцать лет назад? Но чтобы бороться за демократию, надо иметь хоть одного демократа в качестве образца для подражания, за демократию хорошо бороться плечом к плечу с Сахаровым. А плечом к плечу с демократами-государственниками, продуктом последнего десятилетия, не хочется ни за что бороться. Может быть, побороться за капитализм? Сплотились же некогда люди, чтобы бороться за свободный рынок и против отвратной уравниловки. Помните рекламный слоган тех лет? «Что нам выбрать: обеспеченную жизнь в правовом государстве или бедную жизнь в казарме?» Никто нам не сказал: жизнь бывает обеспеченной, только если ее кто-то обеспечивает. А если ее обеспечивает вор, то фарт быстро кончится.

Может быть, следует бороться за общество себе подобных, отстаивать родовой закон самосохранения? Но как бороться за общество, если нет общества? Невозможно вообразить, что сегодня, в условиях общей беды, кто-то станет работать бесплатно, чтобы помочь неизвестным товарищам («Мы можем уйти часа в два, но мы уйдем поздно: нашим товарищам наши дрова нужны — товарищи мерзнут»). Если бы Россия руководствовалась этим принципом: согреть далеких товарищей бескорыстно, то никаких локальных конфликтов на пути газопровода бы не наблюдалось. И разве где-то в просвещенном мире дело обстоит иначе? Рыбаки Ла-Рошели блокируют выход из порта, чтобы снизили пошлину на улов, а работники «Люфтганзы» останавливают рейсы, чтобы зарплату подняли на 15%, но решительно ничто не связывает французского рыбака и немецкого диспетчера — у них нет никакого общего дела. Еще вчера говорили о едином европейском доме, оказалось, что в этом доме товарищей среди соседей нет. Европейская единая валюта есть — а европейского дома нет. Это худшая из коммунальных квартир, никакому Зоценко не изобразить общую европейскую кухню, где лидеры просвещенных государств собачатся из-за кастрюлек и лупят друг друга сковородками.

В цивилизованный мир пришла беда — но поражает не сама беда, а отсутствие общественной реакции. Невнятно, невпопад, вполголоса — и что тут, собственно, скажешь? Тишина наступила потому, что этот мир уже мертв — он выхолощен, ему нечего защищать и нечего оплакивать.

Закрытая корпорация как — мотор открытого общества

Впрочем, сказать, что никакого общего дела нет вообще, — было бы несправедливо. Наши отцы летали в космос, прокладывали дороги, внедряли общее среднее образование и бесплатную медицину. Но и нам есть чем козырнуть: мы создали огромные корпорации. Это и есть предмет нашей общей гордости — отечественные корпорации! Было время, печальные годы смуты, когда на русских смотрели пренебрежительно за рубежом, — не то теперь. Говоришь: я русский, и к тебе со всем уважением — а вдруг ты менеджер «Газпрома». Капитализация «Газпрома» составляет... — и здесь обыватель жмурится от удовольствия: до того огромны цифры. Некогда мы смеялись над нелепой советской идеологией: голый зад прикрыть нечем, а балетом хвастаемся. Однако противоречия между голым задом и капитализацией «Газпрома» не обнаружено.

Действительно, это не самое вопиющее противоречие. Главным парадоксом социального строительства являлось то, что мы строили т.н. «открытое общество» методом построения закрытых корпораций. И это — с точки зрения нормальной логики — поразительно.

Вообще говоря, корпорация — это совершенная тоталитарная модель, с жесткой иерархией, с принципиальным делением на страты, с закрытой информацией, с беспрекословным подчинением авторитетам, с немедленным наказанием за инакомыслие. Корпорация есть наиболее последовательное выражение того самого платоновского государства, которым адепты открытого общества пугали сограждан. Некогда прекраснодушный мыслитель Карл Поппер написал книгу «Открытое общество и его враги», в которой противопоставил тоталитарные модели бытия (платоновскую республику, Марксов коммунизм) — свободному открытому обществу равных. Руководствуясь этой дихотомией, мы и шли на баррикады. История куда изощреннее дихотомии: мотором гражданского общества является закрытая тоталитарная модель — платоновское государство оказалось встроено внутрь открытого общества. Сотни таких платоновских государств (банков, концернов, трастов, фондов) и составляют конгломерат, который именуется сегодня открытым обществом.

В каждом отдельном случае платоновский принцип контроля соблюден: внутри ограниченного коллектива властвуют учредители локальных законов, их охраняют «стражи», их обслуживают ангажированные «поэты», на них работает довольный подачками народ. Некогда мы все издевались над этой рабской конструкцией. Но то, что огромный холдинг подобных корпораций стал называться открытым обществом, — ни у кого насмешки не вызывает.

Гражданину представили общество как систему взаимосвязанных корпораций — в одни он допущен как служащий, в другие он попадает, если нуждаются в его голосе. Гражданину объясняют, что государство — это тоже своего рода корпорация, и в ней он имеет акции наряду с миллионами избирателей. А нефтяная промышленность — это корпорация иная, там он права голоса не имеет. Трудно вообразить, что гражданин на правах избирателя посоветует директору банка изменить политику, — самый прекраснодушный демократ до этого не додумался.

Очевидно, что целью корпорации является выгода, а целью союза граждан — общественное благо. Очевидно, что корпорация успешна лишь в том случае, если ставит свои интересы выше общественных. Очевидно, что мораль гражданского общества подразумевает равенство, а мораль корпорации — иерархию. Возникает своего рода силлогизм: открытое гражданское общество существует внутри недемократического мира, существует это открытое общество на деньги корпорации, а корпорация есть воплощение тоталитарного государства. То есть тоталитарная модель, встроенная внутрь свободного общества, помогает этому обществу выживать в тоталитарном мире. Что в этой конструкции является мотором, а что — оболочкой?

До недавнего времени (пока акции не пошли вниз) не казалось, что логика хромает. У представителей среднего класса теплилось соображение, что тоталитарные решения корпораций таинственным образом обеспечивают свободу внутри гражданского общества. Пусть они там, в корпорациях, решают частные финансовые вопросы, а наше право — голосовать за свободу в целом. То, что ревнители равенства находятся на зарплате у адептов неравенства, — это обстоятельство как-то не обсуждалось.

Феномен современного среднего класса оттого так трудно поддается определению, что формально средний класс является воплощением гражданских свобод, а фактически — служебным материалом тотальной корпоративной модели. Сознание демократического гражданина — находка для психоаналитика: он чувствует себя наделенным правами ровно до тех пор, пока встроен в систему, где никаких прав у него нет. Гражданин может почувствовать себя таковым (то есть имеющим свободу выбора, совести и мнения) только при условии функционирования такой общественной модели, где его мнение не значит решительно ничего. Гражданин — хозяин своей судьбы постольку, поскольку никакой судьбы у него в принципе нет.

Мы интересуемся судьбой наших инвестиций — насколько они сегодня обесценились? Куда важнее, что обесценились акции т.н. гражданского общества. Отдельно от закрытых корпораций демократия не существует, это был мираж. Гражданину еще предстоит узнать реальную цену своих гражданских акций — когда ему предложат принять участие в последней корпоративной вечеринке, то есть сдохнуть на войне.

Люмпен-миллиардер как гегемон

Последние годы привели к образованию нового класса господ. Подобно тому как предельное обнищание создало люмпен-пролетариат, готовый на любую авантюру, так предельное обогащение создало люмпен-миллиардеров и точно так же вывело их за рамки общественного договора.

Эти свободные от обязательств перед обществом богачи являются локомотивом сегодняшней истории. Акции гражданского общества они вовремя сбросили, но они владеют акциями тех корпораций, которые куда важнее общественных. Войны и безработица возникают как бы сами собой, помимо их воли, как побочное следствие капиталистического соревнования.

Вкусы и предпочтения люмпен-миллиардера стали основополагающими в государстве. Точно так же как в двадцатых годах вкусы люмпен-пролетариата создали специальную культуру — пролеткульт, агрессивное образование, отменяющее все с ним несхожее, — так и вкус люмпен-миллиардера сегодня сделался культурной директивой. Во всех комиссиях, в любом жюри нынче представлен бескомпромиссный в своих взглядах торговец краденым. Галеристы, рок-певцы, артисты и журналисты обслуживают вкусы этого ничтожного в моральном и интеллектуальном отношении субъекта — и суетятся, чтобы пробиться в первые ряды обслуги. Собственно говоря, так называемый гламур есть не что иное, как инвариант пролеткульта, это субкультура класса-гегемона.

Как и пролеткульт, новая эстетика крайне условна — не имеет ничего общего с реализмом, то есть с окружающей действительностью. Подобно пролеткульту, новая эстетика решает прежде всего декоративные задачи. Но, как и в случае с пролеткульту, декоративная функция постепенно приобрела всеобъемлющий характер — она стала содержанием, смыслом, целью общества.

Пролеткульт довольно быстро отлился в форму государственной идеологии соцреализма, и вкус люмпен-миллиардера постепенно отвердел в государственной символике. Некоторая пошлость, присущая современным государственным отправлениям, связана прежде всего с огрехами корпоративного вкуса

люмпен-миллиардера. Люмпен-миллиардеры, в сущности, сформировали стиль государственного мышления, образ власти, образ современности. Во всем подлунном демократическом мире властвует примерно один и тот же стиль — его можно определить прилагательным «игривый». Подлинный общественный лидер из этой среды не появится никогда. Однако коль скоро нет общества, но есть его субститут, то успешная имитация лидера общества — ровно то, что требуется.

Власть в новом веке стала столь же слабой и анонимной, как перед Первой мировой войной. По известному выражению Черчилля, интриги власти напоминают борьбу под ковром, только дерутся уже не бульдоги, а существа меньшего размера — хорьки и крысы. Любопытно, что хорьки сами не знают, за что дерутся и что сделают в следующий момент. За власть они горло перегрызут, но вот что делать с этой властью, не вполне понятно. То, что новый класс-гегемон проживет недолго, не вызывает сомнений — куда более любопытно, что именно придет ему на смену.

Мусульманство как вариант социализма

Повсеместная дискредитация социализма в просвещенном западном мире, тотальная победа рынка и финансового капитализма на Западе — привели в последней трети ушедшего века к поразительному культурному перформансу. Полномочными представителями социалистической доктрины сделались обитатели Востока — и эту, некогда популярную на Западе программу общественного бытия уже не узнать. Мусульмане в своих борениях с западным империализмом повторяют почти буквально те социалистические лозунги, которые, бывало, произносили европейские мечтатели в женевских кофейнях. Сегодня европейский левый чувствует потребность в солидарности с палестинским движением «Хамас», и, как результат, возник невиданный гибрид мусульманской энергии с идеями социализма. Некогда Честертон, провидя внедрение восточной морали в западную веру, придумал смешное слово «хрислам». В романе «Перелетный кабак» он изобразил уродливый, но жизнеспособный идеологический гибрид, постепенно лишаящий западную цивилизацию возможности сопротивляться. Как можно сопротивляться тому, что использует твою собственную религию как один из составляющих компонентов? Честертон почти не ошибся в прогнозе, только в переплавку пошла не христианская вера, а социализм — и эта потеря для западного мира оказалась чувствительной. Социализм отвергли за ненадобностью как непригодный для социума продукт — ведь был выбран куда лучший, совершенный метод общественного строительства, надежнейший товар! Теперь, когда все дефекты этого товара обнаружались, призывы к равенству и солидарности трудящихся звучат не из уст марксистов, а от последователей Корана.

Разумеется, этот новый интернационал угнетенных мало похож на тот, что замыслил когда-то Маркс. Племенное религиозное общество нимало не похоже на изображенный основоположниками интернациональный союз трудящихся. Но что поделать, если религия и голос крови объединяют обездоленных, а финансовый капитализм солидарность отвергает? Марксистская идеология, как казалось, вытекает из европейского опыта и рождена европейской культурой — но единожды ее уже присвоила себе Россия, не приходится удивляться, что нашлись новые желающие. Социализм возвращается в Европу в чалме и не нуждается в европейской культуре. Беда Запада в том, что противопоставить этой доктрине нечего: противостоять идеям в принципе невозможно, для этого нужны другие идеи. А их нет. То, что было когда-то европейским будущим, Запад добровольно отдал Востоку, а себе взял акции демократии, которая работает на проценты с доходов закрытых корпораций. Сейчас эти акции не стоят ни гроша, сейчас самое время подумать о единении трудящихся, да вот беда — эта постылая идеология уже присвоена восточными оборванцами.

То, что, по мысли последних лидеров Запада, должно консолидировать западный мир — а именно «война с терроризмом», — на деле консолидировало Восток, причем снабдило его таким оружием, равного которому у Запада уже нет. И это еще не все. Социализм представлялся тем будущим, за которое стоит бороться, он выстраивал перспективу развития — и это не понравилось. К чему перспективы, если в благолепии своем наступил конец истории? Было велено жить сегодняшним днем и остановить мгновение. А свое будущее Запад передал Востоку.

Готы, разрушившие Рим, были христианами — и нет ничего невероятного в предположении, что восточные племена, что потеснят западную цивилизацию, окажутся социалистами и принесут Западу ту самую мораль, которую он некогда отверг.

Западная цивилизация как цель развития

Не в том беда, что финансовая система цивилизации была построена на необеспеченных кредитах. Подлинная беда в том, что сама цивилизация, ее культура и история существовали как бы в кредит, и кредит

этот был выдан на основе былых достижений. Вот этот, наработанный дедами капитал идей и идеалов и продолжали декларировать в исторических ведомостях — и полагали, что, живя на проценты с дедовских свершений, культура протянет долго. Нового Леонардо нет — зато есть Марсель Дюшан, который пририсует Джоконде усы; нового Шекспира не появилось, но есть Стоппард, который напишет реплику на пьесу «Гамлет». После страшной войны и последних великих художников Запада — Пикассо, Камю, Белля, Хемингуэя — наступило время культурной ипотеки. Иронизировали, сомневались, боролись за права человека — но никто не спросил: за права какого именно человека? Рантье? Паразита?

Историки будут изучать период 70-х годов как нетипичное время. Век был кровавым, но карнавальные семидесятые будто бы отменяли его реальность. Русский интеллигент составил представление о западной цивилизации именно по этим годам фиесты. Хотели сытой жизни — а подлинной истории знать не желали. Влюбились в Запад времен карнавала — понравится ли он в будни? Никто, разумеется, не пожелал бы оказаться на улицах Берлина во время погромов и бомбежек, на берегах Марны в 16-м году, под Гвадалахарой в 36-м, во времена Великой депрессии в Америке, никого не манил западный мир в его реальности, но волшебный фонарь манил очень.

Финал наступил ровно так, как и было обещано: не взрывом, но всхлипом. Только ленивый не поминает сегодня книгу Шпенглера «Закат Европы». То, что было сказано в 18-м году, сбылось на девяносто лет позже — разве это срок? Кризис пришел не на пять лет, как говорят владельцам акций портфельные инвесторы, и не на семь лет, как осторожно говорят вкладчикам банкиры, и не на десять, как считают политики, мечтая за искомый период переключить карту. Кризис пришел навсегда. Это даже и не кризис вовсе.

Это конец представлениям о западной модели цивилизации как финальной стадии развития человечества. Вся философия XIX века, в том числе и марксизм, была европоцентричной; Гегель, например, полагал, что Китай выпал из истории навсегда. Выяснилось, что основные допущения уравнения неверны, — наивно ждать правильного ответа.

В конце концов, какие были основания ожидать вечного торжества Запада? Западное господство и европоцентричная картина мира существуют крайне недолго — лишь со времен битвы при Лепанто*, должен же был прийти этому торжеству конец. Западную цивилизацию съело ее основное свойство — жадность. Но ведь мы именно западную цивилизацию определили как желанную цель, отнюдь не культуру. А сумеет ли западная культура пережить западную цивилизацию — на этот вопрос ответит только время.

Если для России и есть какая-то надежда, то лишь в том, что она не стала частью Европы вопреки прогнозам просвещенных умов. Россия остается Россией, если что и спасает ее, то старые дедовские рецепты: не просвещение, а крепостничество — им всегда жила российская экономика, им и будет жить впредь. Превратить сто тридцать миллионов в просвещенных рантье невозможно, а поставить миллионы у помпы качать нефть (рыть канал, строить магистраль, осваивать Сибирь) — возможно. Но сколь же бойко рвались просвещенные умы в западную цивилизацию: билеты на «Титаник» продавались по двойной цене. Было сомнение: не надо ехать этим пароходом, сами европейцы сомневаются в его прочности. Но нет, расхватили билеты в цивилизацию — приделались как люди, рожи побрились. Приехали — и как всегда не вовремя.

Россия как европейская держава

Один из устойчивых мифов состоит в том, что Россия есть часть Европы, и она всем сердцем устремлена на Запад. То была рекламная кампания последних десятилетий, и мало какая реклама принесла столько вреда.

Во-первых, речь шла только о небольшом количестве приближенных к трону, эти лица и могут рассматриваться в качестве русских европейцев. Фактически этот рекламный ход был очередным оправданием российского крепостничества, в который раз страну поделили на привилегированных и простой народ, в сегодняшнем изводе это звучало так: общество делится на цивилизованную часть населения и варваров. Строить будущее за счет собственного народа — это специальный российский трюк, так поступали Троцкий и Сталин, превращая деревню во внутреннюю колонию, — так поступили и теперь. Дикие варвары-мужики качают нефть, а просвещенные русские европейцы едут в паломничество к духовным ориентирам. То, что русский интеллигент возжелал быть поближе к европеизированному начальству, — понятно, но противно.

Впрочем, быстро выяснилось, что и привилегированные особы в Европу тоже не хотят. Чего они там не видели? В годы шальных приобретений кинулись русские буржуи на Запад, скупали виллы на Лазурном Берегу — много ли их там нынче? Кроме богатых дурней, желающих походить на европейцев при полной неспособности к иностранным языкам, и беженцев, подавшихся в прислугу, — много ли русских вы найдете в Европе сегодня? Разумные экономичные люди давно сообразили, что куда лучше ехать на Гоа, в Турцию, в Египет. Пляжи Индийского океана полны русских интеллигентов, тех самых, которые двадцать лет назад

мечтали о священных камнях Европы. Обосновавшись в Индии, новые русские колонисты, сами того не сознавая, воплотили вековую мечту России. Подлинные птенцы гнезда Петрова должны ехать именно туда, в Индию, а вовсе не в Амстердам.

И Петр, и Екатерина, и Ленин, и Сталин — все великие русские цари знали: на Западе нечего ловить, там только камни и просвещение, а из них каши не сварить. В Амстердам можно поехать учиться кораблестроению, но больше там делать решительно нечего. Реальное богатство лежит на Востоке — в Сибири, в Персии, в Индии. Впрочем, то же самое прекрасно понимал и Запад — оттого и войны за обладание Востоком вспыхивали мгновенно. Принципиальной для русской и западных дипломатий была Крымская война — а вовсе не схватка с псами-рыцарями на Чудском озере. Пес с ними, с псами-рыцарями, и кому нужны унылые болота? Целью были Персия и Индия, а отнюдь не участие в гражданственных дебатах с парижскими философами. О чем же дискутировать — о правах ли жителей микрорайона Жулебино, об электроснабжении Дальнего Востока? Где он, предмет дискуссий? Разве что спасение европейской культуры от самих европейцев.

Множество как общество

Шансы на спасение исчезающе малы. В последний раз Европа объединилась под флагами фашизма — не было ни единой европейской страны, в которой эта доктрина не была бы сильна. Ни антифашизм, ни социализм такой массовой аудитории не собрали. Какая программа могла бы сегодня гальванизировать западную цивилизацию и примкнувшую к ней Россию? Западноевропейский гуманизм? Его разменяли на инсталляции. Социализм? Его подарили мусульманским террористам. Демократия? Она оказалась инвариантом корпоративного государства. Финансовый капитализм? Не выгорело дело. Придумайте что-нибудь, подайте на общеевропейскую идею!

Дайте нам хотя бы для одной, отдельно взятой страны идеологическую программу! Просветители, большевики, демократы, государственники, евразийцы — сколько желающих пожить в крепостной природе Отечества, и каждому найдется, что урвать во время народного бедствия. Панические граждане кидаются под любые знамена, а вожаков, готовых стричь доверчивое население, искать не придется. В черных рубашках, с бритыми затылками появятся ревнители отечественной морали — их и объявят спасителями национальной идеи. И не только в России.

Некогда де Кюстин, описывая Россию, сказал, что в ней нет народа — есть император и сословия, а народа нет; то же самое можно сказать сегодня про общество Запада. И если в условиях кризиса появляется необходимость формировать новую программу — взяться ей будет неоткуда, кроме как из национальной идеи. То, что на Западе просыпается национализм, видно — иначе в условиях кризиса происходить не может. То, что в России национализм всегда являлся последней надеждой власти, — не требует доказательств. Для того чтобы присущая Западу тяга к фашизму не победила, надобно найти новый рецепт общественного договора. Когда лидеры стран призывают «изменить финансовую систему», это попросту означает «пересмотреть общественный договор». Объединяли деньги — что может объединять помимо денег, если не кровь?

Тони Негри, например, высказал гипотезу о возможном формировании общества не путем объединения страт, но путем диффузного распыления общества на единицы («персоналии»). Негри полагает, что, распавшись на персоналии, народ окажется во власти естественного центростремительного механизма и соберется вновь, но уже свободный от идеологии. Инструментом, собирающим всех заново, должна стать информация; требуется захватить Интернет, как некогда брали телеграф и телефон, — интернетные связи заменят общественный договор. Негри называет это сообщество будущего — «множеством». Вопрос в том лишь, что такое множество по определению лишено элиты, то есть морального эталона.

Оттого что сегодня понятие «общественная элита» дискредитировано, не следует, что без нее общество может существовать. Однако формироваться элита должна не по критериям цивилизации — но по забытым сегодня меркам культуры. И это существенное различие. Есть более насущные задачи, чем быть европейцем. И более благородные цели, чем быть демократом. И есть соображения куда более важные, нежели рыночная экономика.

Нам бы научиться не лебезить перед начальством, не юродствовать перед иностранцами. Нам бы научиться уважать собственную историю, не объявлять ее яко небывшей. Нам бы научиться не краснеть от того, что некогда отцы наши мечтали о солидарности трудящихся. В этой мечте нет ничего постыдного, честное слово. Сегодня солидарность опять нужна, а мы ведь столько раз плюнули на солидарность.

Есть более достойная цель, нежели борьба за человеческие права. Мы столько лет за них боролись, а куда

перспективнее отстаивать человеческие обязанности. И если новое поколение диссидентов соберется под таким лозунгом — будет совсем недурно. Борьба за свои права в мире, который находится в беде, — стыдно.

Будем надеяться, что запас прочности в культуре велик. Нам предстоит заново прочесть много хороших книг, заново понять много хороших картин — и это само по себе хорошо. Пожар Москвы при взятии ее Тохтамышем, казалось, не оставил никакой надежды — однако Москва все еще стоит.

* Битва при Лепанто — морское сражение, произошедшее 7 октября 1571 г. между объединенными силами Священной Лиги (куда входили Испания, Венецианская Республика, Папа Римский, Мальтийский орден, Сицилия, Парма, Генуя, Савойя, Тоскана и Неаполь) и флотом Османской империи.

Автор: Максим Кантор © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 1865 19.03.2009, 09:10 📌 322

URL: <https://babr24.com/?ADE=51815> Bytes: 28583 / 28520 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)